

Г. УЭЛЛС

БИБЛИОТЕКА
НАУЧНОЙ

★ ФАНТАСТИКИ
★ П «
★ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

НЦУ!
НОВЕЙШИЙ
У СКОРИТЕЛЬ

ДЕТГИЗ • 1944

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Г. Уэллс

У 981

НОВЕЙШИЙ УСКОРИТЕЛЬ

РАССКАЗЫ

Перевод с английского Н. Вожиной

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ННП РСФСР
МОСКВА 1944 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Г. УЭЛЛС	3
Новейший ускоритель	7
Хрустальное яйцо :	23

22148 1967-58 Г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

РИСУНКИ М. ГЕТМАНСКОГО

ОБЛОЖКА Б. ТИТОВА

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор М. Поступальская.
Подписано в печать 27/X 1948 г. 2¹/₄ печ. л. (2,25 уч.-изд. л.).
35 600 зн. в печ. л. Тираж 50 000 экз. Л69453. Цена 75 коп.
Заказ № 3990.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Суворовский вал, 49.

Г. Уэллс

Человеку нашего времени, попавшему в Лондон конца прошлого столетия, английская столица показалась бы тихим провинциальным городом. Важно щелкали кнутами кэбмены, громоздящиеся на высоких сидениях своих странных экипажей, позади седоков; весело переругивались кучера неуклюжих омнибусов; деловито спешили чопорные пешеходы в наглухо застегнутых сюртуках, высоких черных цилиндрах и с неизменными зонтиками. С трубами и барабанами маршировали по улицам религиозные процессии Армии спасения, сопровождаемые праздными зеваками, фонарщиками, трубочистами. И только древние башни Тоуэра да едва выступающий из тумана купол собора святого Павла напоминали о величии мирового города.

Маленький человек в помятом дешевом костюме, с небрежно повязанным галстуком, бродивший по улицам Лондона пятьдесят лет назад, никак не был похож на пришельца из будущего. Этот внимательный наблюдатель, пристально вглядывавшийся в окружающую его жизнь, был в то же время и мечтателем. Он видел темные переулки, грошовые лавки, жалкие скверики, скучные двух-

этажные домики великого города, но он хотел видеть их преображенными. Ему грезился Лондон далекого будущего — великолепный город дворцов из стали и стекла, город тенистых парков, электрических солнц. Он хорошо знал нищету рабочих кварталов, убожество лондонской бедноты и мечтал о городе, населенном радостными и нарядными людьми будущего века, о городе движущихся тротуаров, говорящих машин, однорельсовых дорог, над которым величественно проносятся огромные воздушные корабли.

Этого человека звали Герберт Джордж Уэллс.

Сын полунищего неудачника, подававшего шары ленивым игрокам в крикет, не сразу стал писателем. «Мальчик» в мелочной лавке, приказчик магазина сукон, учитель в провинциальной школе, молодой и талантливый зоолог, блистательно добившийся ученой степени, увлекательный рассказчик — таков был путь молодого Уэллса. Ровно пятьдесят лет назад появились его первые рассказы, раскрывшие читателям совершенно новый, фантастический мир.

По скучным улицам Лондона прошел человек-невидимка; немецкий воздушный флот, собирающийся сжечь Нью-Йорк, пролетел над Англией; двое лондонцев отправились в стеклянном шаре на Луну; скромный англичанин заснул летаргическим сном, чтобы проснуться через двести три года повелителем мира; талантливый изобретатель построил чудесную машину для путешествия по времени; марсиане, высадившиеся в лондонском пригороде, выкурили население английской столицы газовыми снарядами и всеразрушающим тепловым лучом — обо всех этих необычайных событиях рассказал нам Уэллс.

Фантастические рассказы и романы Уэллса не просто сказки. Это предвидения людей его времени, интересные научные гипотезы, воплощенные в живые образы талантливым рассказчиком, смелые, но обдуманые предсказания. Причудливо смешаны в произведениях Уэллса серая будничная действительность и необычайный полет фантазии. Но на сером фоне еще ярче блестят пестрые краски, а реалистические подробности заставляют безоговорочно верить в чудесные выдумки писателя. Поэтому и люди в книгах Уэллса так нам понятны и близки — это наши современники, наши соседи, люди сегодняшнего дня.

И еще одно ценное качество можно найти у Уэллса. Это — обостренный интерес к политике, к основным со-

циальным вопросам, волнующим широкие народные массы. Уэллс был одним из основателей так называемого Фабианского общества — первого в Англии общества по изучению социализма.

Сейчас Уэллс уже не молодой мечтатель. Он превратился в одного из самых известных мировых писателей. Им написано несколько десятков книг. Он также крупный общественный деятель: Ленин принимал его в Кремле, Сталин беседовал с Уэллсом, международная организация писателей избрала его своим председателем. Но мы не забыли его первых увлекательных и остроумных рассказов, так поразивших когда-то старика Жюль Верна.

Многое предсказанное Уэллсом стало действительностью за истекшие пятьдесят лет, многое, быть может, еще таится за непроницаемой завесой завтрашнего дня. Несмотря на прошедшие годы, рассказы и романы Уэллса не стареют, они продолжают привлекать и волновать читателей.

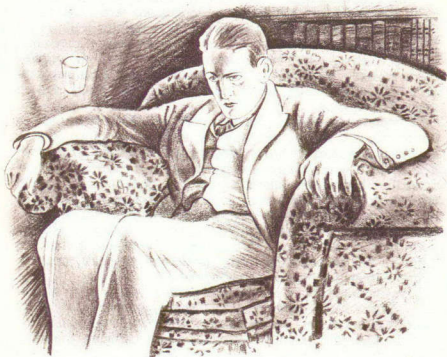
В этой маленькой книжечке помещены два рассказа Уэллса. Какой фантастической кажется картина соседней планеты, когда мы рассматриваем ее сквозь мерцающие грани таинственного хрустального яйца, затерявшегося в лавке лондонского старьевщика! Какое причудливое зрелище представляет столичный воскресный день, если глядеть на него сквозь своеобразную «лупу времени» «Новейшего ускорителя»! Действительно ли через толщу хрустального яйца можно было видеть жизнь на Марсе? Конечно, нет. Ведь это видел один Кэйв, которого нельзя считать вполне нормальным человеком, хотя, с другой стороны, многое из того, что он рассказывает, не расходится с данными астрономии. Читатель, окончив рассказ, и верит и не верит, но надолго будет жить в нем то ощущение таинственного, чудесного, иного мира, которое умеет создавать Уэллс. А «Новейший ускоритель»? Но ведь он уже существует, ведь это самая обычная ускоренная киносъемка, известная много лет!

Уэллс дожил до нашей бурной эпохи. Несмотря на свои семьдесят семь лет, он продолжает неутомимо работать. Во время варварских бомбардировок фашистскими самолетами мирного населения Англии он не покидал своего города. Он один из самых страстных противников Гитлера и гитлеризма, и его путешествие по Америке, где он выступал с речами против фашистской Германии, немало способствовало взаимопониманию и сближению

свободолюбивых народов, и его голос громко прозвучал в хоре прогрессивных деятелей, требующих вступления Соединенных штатов в войну.

В Англии есть обычай именовать знаменитых современников лишь инициалами. И, пожалуй, самыми популярными, известными каждому англичанину являются три буквы: ЭЙЧ-ДЖИ-ДАБЛЬЮ (H. G. W.), расшифровывающиеся — Герберт Джордж Уэллс.

Кирилл Андреев

НОВЕЙШИЙ УСКОРИТЕЛЬ

Иной раз бывает, что ищешь булавку, а находишь золотой. Так случилось с моим добрым другом профессором Гибберном.

Я и прежде слышал, что многие великие открытия делались неожиданно, но с профессором Гибберном произошло нечто невероятное. Можно смело сказать, что его открытие перевернет вверх ногами всю нашу жизнь. А между тем он хотел только изобрести какое-нибудь тоническое средство, которое дало бы возможность людям поспевать за нашим беспокойным веком.

Мне уже случалось принимать это новое снадобье, и сейчас я попробую подробно описать вам его действие на мой организм. Из дальнейшего будет видно, какой богатой находкой окажется это средство для всех искателей новых ощущений.

Мы с профессором Гибберном соседи по Фолькстону. Если память мне не изменяет, несколько его портретов были помещены в журнале «Стрэнд» в конце 1899 года. Проверить это я не могу, так как журнал был взят у меня кем-то и до сих пор не возвращен, но читатель, может быть, помнит высокий лоб и необыкновенно длинные черные брови Гибберна, которые придают его лицу что-то мефистофельское.

Профессор Гибберн живет на Аппер-Сендгэйт-роуд, в одном из тех милых особнячков неопределенного стиля, которые придают столь причудливый характер этой улице. Крыша у его домика фламандская, а портик мавританский; посредине фасада окно с большим фонарем. В этой комнате профессор работает, и там же, когда я прихожу к нему по вечерам, мы курим и беседуем. Профессор Гибберн большой шутник, но он любит не только пошутить и часто говорит со мной о своих занятиях. Это один из тех людей, для которых беседа является потребностью: она помогает им работать.

Таким образом, у меня была возможность шаг за шагом проследить создание «Новейшего ускорителя», хотя значительная часть экспериментальных работ производилась Гибберном не в Фолькстоне, а в прекрасной лаборатории на Гауэр-стрит, рядом с больницей.

Как известно всем образованным людям, Гибберн прославился среди физиологов своими работами по изучению действия лекарств на нервную систему. Снотворные, успокаивающие, анестезирующие средства — здесь, говорят, он не знает себе равных. Гибберн пользуется большим авторитетом и как химик, поскольку он немало способствовал разъяснению той путаницы, которая царит в науке по вопросам о клетке нервного узла и осевом волокне. Однако многие его достижения никому не известны, так как он до сих пор не потрудился опубликовать их.

В последнее время Гибберн уделял особое внимание вопросу о тонических средствах и добился в этой области больших успехов еще до открытия своего «Ускорителя». Благодаря ему медицина обогатилась по крайней мере тремя укрепляющими средствами, значение которых во врачебной практике огромно. Препарат, называющийся «Сироп «Б» д-ра Гибберна», спас больше человеческих жизней, чем любая спасательная лодка по всему морскому побережью.

— Но эти пустячки меня уже не удовлетворяют, — сказал он мне как-то около года назад. — Все они имеют лишь местное значение. Одни возбуждают сердце и внутренние органы, оставляя мозг в апатии; другие действуют на мозг, как шампанское, никак не влияя на солнечное сплетение. А я добиваюсь — и, черт возьми, добьюсь! — такого средства, которое встряхнет вас всего с головы до пят и увеличит ваши силы в два... даже в три раза против нормы. Да! Вот чего я ищу!

— Это потребует чрезмерной затраты сил, — заметил я.

— Безусловно! Но питаться вы будете тоже в два-три раза больше. Подумайте только, что это значит! Представьте себе пузырек... ну, скажем, такой, — он взял со стола зеленый флакон, — и в этом бесценном пузырьке заключена возможность вдвое скорее думать, вдвое скорее двигаться, вдвое скорее работать.

— Неужели это достижимо?

— По-моему, да. А если нет, значит у меня пропал целый год. Вот различные препараты гипофосфатов. Они доказывают, что нечто подобное осуществимо... Пусть подействует только в полтора раза — и то хорошо!

— И то хорошо! — согласился я.

— Возьмем для примера какого-нибудь государственного деятеля. У него бездна дела, а с работой он не справляется.

— Я бы на его месте напоил этой штукой секретаря.

— И выиграли бы времени вдвое. Или возьмите себя: положим, вам надо закончить книгу...

— Я обычно проклиная тот день, когда начал ее.

— Или вы врач. Заняты по горло, а вам надо сесть и обдумать диагноз... Или адвокат... Или готовитесь к экзаменам...

— Таким людям прямой расчет платить по гинее за каждую каплю вашего лекарства, если не больше! — воскликнул я.

— Или, скажем, дуэль, — продолжал Гибберн. — Когда все зависит от того, кто первый спустит курок.

— Или фехтование, — подхватил я.

— Словом, вы видите, что это средство универсальное, а вреда от него никакого. Разве что оно на бесконечно малую степень приблизит вас к старости. Но

зато ведь вы и проживете вдвое по сравнению с другими.

— А все-таки на дуэли это будет нечестно по отношению к противнику, — в раздумье сказал я.

— Это как решат секунданты, — ответил Гибберн.

Но меня снова начали одолевать сомнения.

— И вы уверены, что такое снадобье можно изобрести?

— Абсолютно уверен, — сказал Гибберн, выглянув в окно, за которым что-то пронеслось с грохотом. — Изобрели же автомобиль! Собственно говоря... — Он умолк и, многозначительно улыбнувшись, постучал по столу зеленым пузырьком. — Собственно говоря, я такой состав знаю... кое-что уже сделано...

По той нервной усмешке, с какой Гибберн произнес эти слова, я понял, до чего ему дорого его открытие. О своих опытах он обычно заговаривал только тогда, когда они близились к концу.

— Весьма возможно, что мой препарат повысит наши силы даже больше чем вдвое...

— Это будет грандиозно! — сказал я не очень уверенно.

— Да, это будет грандиозно.

Но мне кажется, тогда он еще не понимал всей грандиозности своего открытия.

Мы часто возвращались к этой теме, и с каждым разом Гибберн говорил о «Новейшем ускорителе» — так был назван его препарат — все с большей и большей уверенностью. Иногда он размышлял вслух о неожиданных физиологических последствиях, которые может вызвать «Новейший ускоритель», и при этом слегка омрачался; потом вдруг с нескрываемым корыстолюбием принимался обсуждать со мной денежную сторону дела.

— Это великое открытие, — говорил Гибберн. — Я много даю миру и считаю себя вправе ждать от него щедрого воздаяния. Наука своим чередом, но, по-моему, мне должны дать монополию на мое снадобье хотя бы лет на десять. В конце концов, почему все самое лучшее в жизни достается каким-то мелким торгашам!

Мой интерес к новому изобретению не ослабевал. Я всегда отличался некоторой склонностью к метафизике. Меня увлекали загадки времени и пространства, и теперь я начинал верить, что открытие Гибберна будет способствовать ускорению темпов нашей жизни. Предполо-

жим, что какой-нибудь человек станет принимать эти капли регулярно: жизнь его будет насыщена до предела, но в одиннадцать лет он уже достигнет совершеннолетия, в двадцать пять начнет увядать, а к тридцати годам превратится в дряхлого старца.

Магия аптекарских капель всегда повергала меня в изумление. Они могут сделать человека безумным, могут и успокоить; могут наделить его невероятной силой и бодростью или же превратить в безвольную тряпку. И вот к арсеналу пузырьков, всегда готовых к услугам врачей, теперь прибавилось еще одно чудо.

Но подобные мысли мало интересовали Гибберна, так как он был поглощен технической стороной своего изобретения.

Седьмого или восьмого августа Гибберн сообщил мне, что судьбу его работ решит последняя дистилляция, а десятого все было уже закончено, и «Новейший ускоритель» стал осязаемой реальностью. Я шел в Фолькстон, кажется в парикмахерскую, а Гибберн спешил ко мне поделиться своей радостью. Глаза у него блестели, лицо покраснелось, и я уже тогда заметил в нем несвойственную ему раньше стремительность движений.

— Готово! — крикнул он и, схватив меня за руку, заговорил быстро-быстро: — Совсем готово. Идемте ко мне, посмотрите сами.

— Неужели правда?

— Правда! Это что-то невероятное! Идемте ко мне.

— И действует... вдвое?

— Больше, гораздо больше! Мне даже страшно. Пойдемте! Попробуйте его сами! Это чудо, настоящее чудо!

Он схватил меня за руку и потащил за собой с такой стремительностью, что мне пришлось нестись вверх по дороге чуть ли не вскачь. Навстречу ехал небольшой шарабан, и все сидевшие в нем единодушно принялись пялить на нас глаза, как умеют пялить глаза только седоки шарабанов.

Стоял один из тех ясных и жарких дней, которыми так богато лето в Фолькстоне, когда каждая краска, каждый контур кажутся необычайно яркими и четкими. Был и легкий ветерок, но разве он мог освежить меня?

Наконец я взмолился о пощаде.

— Неужели я бегу? — удивился Гибберн и перешел с рыси на быстрый шаг.

— Вы, наверное, попробовали свое снадобье? — еле говорил я.

— Нет, — сказал он. — Я только выпил воды из мензурки, самую капельку... но мензурка была отмыта начисто. Вчера вечером я действительно принял небольшую дозу «Ускорителя». Но ведь с тех пор прошло столько времени!

— И он ускоряет... вдвое? — спросил я, весь в поту подбегая к его дому.

— В тысячу раз, во много тысяч раз! — выкрикнул Гибберн, распахивая настежь резную дубовую калитку своего сада.

— Фью! — свистнул я и последовал за ним.

— Я даже не могу установить, во сколько раз, — продолжал он, вынимая из кармана ключ.

— И вы...

— Это бросает новый свет на физиологию нервной системы и переворачивает вверх ногами теорию зрительных ощущений!.. Одному небу известно, во сколько тысяч раз. Мы исследуем это после, а сейчас надо попробовать капли.

— Попробовать капли? — переспросил я, идя за ним по коридору.

— Обязательно! — сказал Гибберн уже в кабинете. — Вот они, в этом маленьком зеленом пузырьке! Если только вы не боитесь.

Я человек по природе осторожный и рисковать люблю больше на словах. Мне действительно было страшно, но ведь гордость в карман не сунешь!

— Ну что ж, — нерешительно начал я. — Вы говорите, что уже пробовали их?

— Да, пробовал, — ответил Гибберн. — По-моему, они мне не повредили.

Я опустился в кресло.

— Ну хорошо, давайте! На худой конец мне не придется идти в парикмахерскую, а это, по-моему, самая тяжелая обязанность цивилизованного человека. Как их принимают?

— С водой, — сказал Гибберн, хватаясь за графин.

Он остановился у письменного стола и внимательно посмотрел на меня. В его тоне сразу появились профессиональные нотки.

— Ведь это не обычные капли.

Я махнул рукой.

— Предупреждаю вас: перед тем, как принять их, зажмите и минуты через две осторожно откройте глаза. Наше зрение зависит от длины воздушных волн, а отнюдь не от их количества, но если глаза у вас будут открыты, то ваша сетчатка получит шок, сопровождающийся головокружением. Так не забудьте зажмуриться!

— Слушаюсь, — сказал я. — Не забуду.

— Во-вторых, сохраняйте полное спокойствие. Не вздумайте ерзать в кресле. Так можно сильно ушибиться. Помните, что ваш организм начнет работать во много тысяч раз быстрее обычного. Сердце, легкие, мускулы, мозг — решительно все. Вам и в голову это не придет; ощущения останутся прежние, но все вокруг вас сразу замедлит ход.

— Господи! — сказал я. — Значит...

— Сейчас вы увидите, — сказал он, беря мензурку и окидывая взглядом стол. — Стаканы, вода. Все готово! Для первого раза нальем немного. — Драгоценная жидкость забулькала, переливаясь из зеленого пузырька в мензурку. — Не забудьте, что я вам говорил, — сказал Гибберн и опрокинул мензурку в стакан с ловкостью итальянского лакея, наливающего виски. — Зажмурьте глаза как можно крепче и соблюдайте полное спокойствие в течение двух минут. Я скажу, когда можно будет открыть.

Он добавил в каждый стакан по одному делению воды.

— Да, вот что! Не вздумайте ставить стакан на стол. Держите его в руке, а рукой обопритесь на колено. Так... правильно... А теперь...

Он поднял свой стакан.

— За «Новейший ускоритель»! — сказал я.

— За «Новейший ускоритель»! — повторил Гибберн.

Мы чокнулись, опорожнили стаканы, и я тотчас же закрыл глаза.

Вам известна эта пустота небытия, в которую погружаешься под влиянием «веселящего газа»! Сколько времени продолжалось такое ощущение, я не знаю. Потом до меня донесся голос Гибберна. Я встряхнулся и открыл глаза.

Он стоял на прежнем месте и попрежнему держал стакан в руке. Разница была только в том, что теперь стакан был пуст.

— Ну? — сказал я.

— Ничего особенного не чувствуете?

— Ничего. Пожалуй, легкое оживление и только.

— А звуки?

— Никаких звуков, — сказал я. — Да... полнейшая тишина. Только где-то кап-кап... точно дождь. Что это такое?

— Это звуки распались на свои элементы, — пояснил Гибберн.

Впрочем, я не ручаюсь за точность его слов.

Он повернулся к окну.

— Видали вы когда-нибудь, чтобы занавески вешали вот так?

Я посмотрел на окно и увидел, что один уголок у занавески загнулся кверху, словно она застыла на ветру.

— Никогда не видал, — ответил я. — Что за странность?

— А это? — сказал он и растопырил пальцы, державшие стакан.

Я, конечно, не мог не вздрогнуть, ожидая, что стакан разобьется. Но не тут-то было! Он повис в воздухе, даже не шелохнувшись.

— Вы, конечно, знаете, — сказал Гибберн, — что в этих широтах падающий предмет делает в первую секунду приблизительно шестнадцать футов... То же самое происходит сейчас и с моим стаканом. Но он не успел сделать и сотой доли этих шестнадцати футов. Теперь вы имеете представление о силе моего «Ускорителя»?

И Гибберн стал водить рукой вокруг медленно опускающегося стакана, потом взял его за донышко, тихонько поставил на стол и засмеялся.

— Ну-с?

— Недурно, — сказал я и начал осторожно подниматься с кресла.

Самочувствие у меня было очень хорошее, голова работала легко, четко, но все во мне как-то страшно затопилось. Сердце, например, делало тысячу ударов в секунду, и это не вызывало у меня никаких неприятных ощущений. Я выглянул в окно. Велосипедист, застывший на одном месте, с застывшим облаком пыли позади, стремглав догонял омнибус, который тоже не двигался ни на вершок. Я просто рот раскрыл от удивления при этом невероятном зрелище.

— Гибберн, — закричал я, — сколько времени действуют ваши проклятые капли?

— Не имею ни малейшего понятия! — ответил он. — Последний раз я принял их перед сном. Говорю вам, мне стало страшно. Тогда это длилось несколько минут, хотя минуты показались мне часами. Потом сила действия начала спадать, и довольно резко.

Я не ощущал никакого страха и очень гордился этим. Правда, нас все-таки было двое.

— А что будет, если мы пойдем гулять? — спросил я.

— Что ж тут такого?

— Ведь нас увидят!

— Что вы! Что вы! Нас никто не увидит! Мы понесемся, словно в сказке. Идем! Как вы предпочитаете — в окно или в дверь?

И мы выбрались в окно.

У меня богатая фантазия, я много читал о разных чудесах, многое пережил сам, но эта короткая прогулка по Фолькстону после нескольких капель «Новейшего ускорителя» была самым необычайным, самым ошеломляющим событием моей жизни.

Мы пронеслись через резную дубовую калитку, вылетели на дорогу и тотчас же принялись наблюдать за совершенно окаменевшим омнибусом. Верхушки колес, ноги лошади, кончик хлыста и нижняя челюсть кондуктора (он, видимо, собирался зевнуть) еле заметно двигались, но остальные части этого неуклюжего экипажа пребывали в абсолютном покое.

И все — совершенно бесшумно, если не считать легкого хрипа в горле зевающего кондуктора. Кучер, кондуктор и одиннадцать пассажиров казались неотъемлемой частью этой застывшей глыбы. Нам стало даже как-то неприятно, когда мы обошли омнибус со всех сторон. Такие же люди, как мы, и в то же время не похожие на нас застыли, остановились в самых непринужденных позах, не докончив начатых жестов.

Какая-то девушка и молодой человек улыбались друг другу. Эта улыбка грозила остаться на их лицах навеки. Женщина в развевающейся пелерине сидела, облокотившись на поручни, и вперяла немигающий взор в дом Гибберна. Мужчина, похожий на восковую фигуру, закручивал ус, а другой протянул окостеневшую руку с растопыренными пальцами вслед улетающей шляпе.

Мы глядели на них, смеялись над ними, корчили им рожи, а потом вдруг они стали противны нам, и мы пересекли дорогу перед самым носом велосипедиста и понесли по направлению к скверу на берегу моря.

— Бог мой, — воскликнул Гибберн, — посмотрите-ка!

Перед нами была пчела; она медленно перебирала крылышками и двигалась со скоростью улитки, самой ленивой улитки, какую только можно себе представить.

Итак, мы подошли к скверу. Тут началось сплошное безумие. На эстраде играл оркестр, но мы услышали не музыку, а какой-то глухой хрип, похожий на приглушенное тиканье огромных часов.

Люди в сквере стояли навтыяжку или, словно странные немые куклы, балансировали на одной ноге — прогуливаясь по травке. Я увидел небольшого пуделя, который подскочил кверху и теперь опускался на землю, медленно перебирая лапами.

— Смотрите, смотрите сюда! — крикнул Гибберн, и мы остановились перед каким-то франтом в белом полосатом костюме, в белых ботинках и в панаме, который подмигивал двум разодетым дамам. Подмигивание, если исследовать его подробно, так, как это делали мы, — вещь весьма непривлекательная. Оно утрачивает всю свою бойкость, и вы вдруг замечаете, что подмигивающий глаз закрывается неплотнo, а из-под опущенного века проглядывает нижняя часть глазного яблока.

— Отныне, — сказал я, — если господь бог не лишит меня памяти, я никогда не буду подмигивать.

— А также и улыбаться, — подхватил Гибберн, разглядывая оскалившуюся в улыбке даму.

— Однако становится ужасно жарко! — сказал я. — Давайте пойдем тише.

— Ничего! Ничего! — крикнул Гибберн.

Мы прошли мимо лонгшезов, стоявших у дорожки. Позы тех, кто сидел в них, казались почти естественными, а вот на искаженные физиономии военных музыкантов просто больно было смотреть. Какой-то краснощекий джентльмен боролся с газетой, пытаясь сложить ее на ветру. Но эта борьба так и не была доведена до конца. Судя по многим признакам, ветер был сильный, но для нас его не существовало. Мы отошли в сторону и стали наблюдать за этой странной панорамой издали.

Разглядывать все это множество людей, вдруг остолбеневших и превратившихся в нечто похожее на восковые

22/48

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

фигуры, было необычайно интересно. Как это ни глупо, но, глядя на них, я был преисполнен чувства собственного превосходства. Подумайте только: все сказанное, продуманное, сделанное мною с той поры, как «Новейший ускоритель» проник в мою кровь, укладывалось для этих людей и для всей вселенной в десятую долю секунды.

— «Новейший ускоритель»... — начал было я, но Гибберн перебил меня:

— Вот она, проклятая старуха!

— Какая старуха?

— Моя соседка, — сказал Гибберн, — а это ее любимая болонка, которая вечно тявкает. Нет, искушение слишком велико!

Гибберн человек непосредственный и иной раз бывает способен на мальчишеские выходки. Не успел я остановить его, как он бросился вперед, схватил эту собачонку и со всех ног понесся с нею по направлению к скалам. Собачонка не выказала ни малейших признаков жизни, даже не пискнула. Она словно почила в сне, и Гибберн держал ее за шиворот, словно это была деревянная игрушка.

— Гибберн! — закричал я. — Бросьте ее! — Но тотчас же перебил самого себя: — Остановитесь немедленно! На вас загорятся брюки! Они уже тлеют!

Он хлопнул себя по бедру и в нерешительности остановился на краю скалы.

— Гибберн, — воскликнул я, настигая его, — перестаньте бегать! Температура слишком высока! Ведь мы делаем от двух до трех миль в секунду. Вы забываете о трении воздуха.

— Что? — переспросил он, взглянув на собаку.

— Трение воздуха! — заорал я. — Трение воздуха! Слишком быстро движемся! Как метеориты! Гибберн! Гибберн! Я весь в поту, у меня зуд во всем теле. Смотрите, люди зашевелились. Капли перестают действовать. Бросьте же собаку!

— Что? — спросил он.

— Капли перестают действовать, — повторил я. — Мы слишком разгорячились. Я мокрый, как мышь.

Гибберн поглядел сначала на меня, потом на оркестр, хрипевший уже несколько громче и учащее, и вдруг сильным взмахом руки швырнул собачонку в сторону. Та медленно закружилась в воздухе и повисла над сом-

кнувшимися зонтиками мирно беседующих людей. Гибберн схватил меня за руку.

— Чорт возьми! Кажется, вы правы... зуд во всем теле и... Смотрите! Вон тот человек вынимает носовой платок. Его движения вполне явственны. Да, нам надо убираться отсюда, и как можно скорее.

Но нам не удалось это сделать, и, может быть, к счастью. Бежать мы не могли, так как нас охватило бы пламенем. Теперь я не сомневаюсь в этом, а тогда мы даже не подумали, что можем загореться. Действие капель прекратилось с первыми же нашими шагами. Это произошло внезапно, словно кто-то дернул завесу с наших глаз. Я услышал тревожный голос Гибберна: «Садитесь!», хлопнулся на траву у края дороги и вскрикнул от боли. На том месте, где я сел, и по сию пору видна полоска выжженной травы.

И тут оцепенение кончилось. Неясные хрипы оркестра слились в мелодию, гуляющие перестали балансировать на одной ноге и пошли своим путем, газеты и флаги затрепетали на ветру, вслед за улыбками слышались слова, подмигивающий франт с самодовольным видом зашагал дальше, те, кто сидел на стульях и креслах, зашевелились и заговорили.

Вселенная снова ожила и перестала отставать от нас, вернее — мы перестали обгонять ее. Такое ощущение бывает у пассажиров экспресса, резко замедлившего ход у станции. Сперва передо мной все закружилось, и я даже почувствовал приступ тошноты. Но это скоро прошло. Собачонка, повисшая в воздухе, наконец шлепнулась прямо на зонтик какой-то дамы. Это и спасло нас с Гибберном. Нашего внезапного появления никто не заметил, если не считать одного дородного старичка в кресле на колесиках, который вздрогнул, несколько раз покосился в нашу сторону и наконец сказал что-то сопровождавшей его сиделке. Да! Появились мы здесь неожиданно. Впрочем, брюки наши скоро перестали дымиться, хотя меня все еще припекало снизу.

Все, не исключая и музыкантов, впервые в жизни сбившихся с такта, заинтересовались женскими криками и лаем жирной болонки, которая мирно дремала у восточной стены павильона и вдруг, переброшенная какой-то неизвестной силой на запад, шлепнулась прямо на дамский зонтик. Замечу кстати, что от необычайной быстроты полета шерсть у нее оказалась слегка опаленной.

Все заматались, налетая друг на друга, опрокидывая стулья и кресла. Прибежал полисмен.

Не знаю, чем все это кончилось: мы боялись, как бы нас не впутали в историю, и поспешили скрыться с глаз больного старика, который мог привязаться к нам.

Придя в себя и немного отдышавшись, мы вышли на прежнюю дорогу и свернули к дому Гибберна.

Я шел и прислушивался к шуму позади, сквозь который явственно раздавался голос джентльмена, сидевшего рядом с пострадавшей дамой. Джентльмен распекал слугителя сквера, осыпая его незаслуженными обвинениями:

— Собаку швырнули вы! Больше некому это сделать!

Способность воспринимать движение и звук вернулась к нам так внезапно, что я не успел произвести необходимых в таких случаях наблюдений. Кроме того, не мешало позаботиться и о себе — одежда все еще жгла нам тело, а спаленные брюки Гибберна превратились из светлых в темнобурые, — так что на обратном пути мне было не до научных наблюдений. Пчелы, конечно, на прежнем месте не оказалось. Я думал найти велосипедиста, но, когда мы вышли на Сендгэйт-роуд, он уже скрылся из виду. Зато омнибус гроыхал как ни в чем не бывало и двигался довольно быстро, а его пассажиры вдруг ожили и вели себя вполне нормально.

Нам удалось заметить только одно: подоконник, с которого мы прыгнули на улицу, был слегка прожжен в нескольких местах, а на тропинке остались глубокие следы от наших ног.

Таковы были результаты моего первого знакомства с «Новейшим ускорителем». Все это произошло в течение одной-двух секунд. Мы прожили полчаса за то время, которое понадобилось оркестру, чтобы сыграть два такта. Весь мир словно замер, давая нам возможность приглядеться к нему. Принимая во внимание все обстоятельства дела и главным образом ту опрометчивость, с которой мы выскочили из дому, нужно признать, что все могло окончиться для нас значительно хуже. Кроме того, наш первый опыт доказал, что Гибберну придется еще много поработать над своим «Ускорителем», прежде чем этот препарат станет пригодным для массового употребления, в чем я не сомневаюсь.

В дальнейшем Гибберн устремил все свое внимание на то, чтобы урегулировать силу этих капель, и мне приходилось не раз принимать различные дозы «Новейшего ускорителя» под его наблюдением. Все сходило благополучно, впрочем, надо сознаться, что, приняв капли, я уже не решался выходить на улицу.

Этот рассказ написан мною за один присест под действием снадобья профессора Гибберна. Я отрывался от работы раза два, не больше, чтобы откусить кусочек шоколада. Рассказ был начат мною в 6 часов 25 минут, а теперь на моих часах тридцать одна минута седьмого. Посудите сами, как это удобно — вырвать среди суматошного дня время и отдаться целиком своей работе!

Теперь Гибберн занят выяснением зависимости между той или иной дозой «Ускорителя» и тем или иным организмом. В противовес этому составу он надеется изобрести соответствующий «Замедлитель», который будет обладать свойствами, прямо противоположными свойствам «Ускорителя». Прием одного этого лекарства позволит пациенту растянуть секунды своего времени на несколько часов и погрузиться в апатию, застыть наподобие ледника при любых, даже самых неподходящих обстоятельствах.

Оба эти препарата должны произвести революцию в культурной жизни человечества. Они положат начало тому освобождению от Ига Времени, о котором писал Карлейль. Если «Ускоритель» поможет нам сосредоточить всю свою силу на каком-нибудь отрезке нашей жизни, требующем наивысшего подъема, то «Замедлитель» обеспечит полное спокойствие в ее самые мучительные и тяжкие минуты.

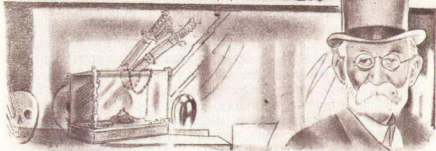
Может быть, я слишком забегаю вперед, говоря о несуществующем пока что «Замедлителе», но в отношении «Ускорителя» не может быть никаких сомнений. Он поступит в продажу в ближайшие месяцы. Маленькие зеленые бутылочки можно будет достать в любой аптеке и в любом аптекарском магазине, правда по довольно высокой цене. Но такая цена не должна казаться чрезмерной, если принять во внимание необычайные качества этого препарата. Он будет называться «Нервный ускоритель д-ра Гибберна». Гибберн надеется выпустить его на рынок в трех видах: крепостью в 200, 900 и 2000 градусов, что будет обозначено соответственными ярлыками: желтым, розовым и белым.

Широкое применение «Ускорителя» грозит дать нежелательные результаты. Им могут воспользоваться преступники. Ведь что стоит совершить преступление и потом укрыться в какой-нибудь щелке времени? Как и всякое сильно действующее средство, «Ускоритель» может быть употреблен во зло. Но мы с Гибберном всесторонне обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что это дело судебной медицины и к нам никакого касательства не имеет.

Наша задача — изготовлять и продавать «Ускоритель», а что из этого выйдет, мы посмотрим.

К. КЭЙВ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ И ПРОДАВЕЦ РЕДКОСТЕЙ

ХРУСТАЛЬНОЕ ЯЙЦО

С год тому назад близ Севендайэлса еще можно было видеть маленькую закопченную лавку, на вывеске которой поблекшими желтыми буквами было написано: «К. Кэйв, естествоиспытатель и продавец редкостей». Витрину лавки загромождало множество самых разнообразных вещей: несколько слоновых клыков, разрозненные шахматные фигуры, четки, оружие, ящик со стеклянными глазами, два черепа тигра и один человеческий, несколько изъеденных молью обезьяньих чучел (одно из них с лампой в руках), старинный шкафчик, засиженное мухами яйцо, очевидно страусовое, рыболовные принадлежности и страшно грязный пустой аквариум. В то время, к которому относится этот рассказ, там был еще кусок хрустала, выточенный в форме яйца и прекрасно отшлифованный. На это хрустальное яйцо и смотрели двое стоявших перед витриной: высокий худощавый пастор и смуглый чернобородый молодой человек, одетый весьма неприятно. Молодой человек что-то говорил, энергично жестикулируя; казалось, он убеждал своего спутника купить эту вещь.

Они всё еще стояли у витрины, когда в лавку вошел мистер Кэйв. Борода его шевелилась: он дожевывал хлеб с маслом. Увидев этих людей и выяснив, что их заинте-

ресовало, хозяин лавки сразу приуныл. Он виновато оглянулся через плечо и тихо прикрыл за собой дверь. Мистер Кэйв был старичок с бледным лицом и странными водянисто-голубыми глазами; в его грязноватых волосах мелькала седина; сюртук на нем был поношенный, цилиндр старомодный, ковровые туфли на ногах стоптанные. Он выжидательно смотрел на разговаривающих. Пастор полез в карман брюк, вытащил пригоршню денег и приятно улыбнулся, показав в улыбке зубы. Когда они вошли в лавку, мистер Кэйв, видимо, совсем пал духом.

Пастор спросил напрямик, сколько стоит хрустальное яйцо. Мистер Кэйв бросил тревожный взгляд на дверь в комнаты и ответил: пять фунтов. Пастор, обращаясь одновременно и к своему спутнику и к мистеру Кэйву, стал возражать против такой высокой цены (она действительно была гораздо больше того, что собирался просить Кэйв, когда выставлял этот предмет) и попробовал торговаться. Мистер Кэйв подошел к входной двери и открыл ее.

— Цена пять фунтов, — сказал он, словно желая прекратить бесцельный спор.

При этих словах над занавеской в застекленной двери, которая вела в комнаты, показалась верхняя часть женского лица; глаза с любопытством уставились на двух покупателей.

— Цена пять фунтов, — с дрожью в голосе повторил мистер Кэйв.

Смуглый молодой человек, до сих пор безмолвствовавший, внимательно наблюдал за Кэйвом. Теперь он заговорил:

— Дайте ему пять фунтов.

Пастор посмотрел на своего спутника, словно проверяя, не шутит ли он, потом опять взглянул на Кэйва и увидел, что тот побледнел, как полотно.

— Это слишком дорого, — сказал пастор и, порывшись в кармане, стал пересчитывать свою наличность.

У него оказалось немногим больше тридцати шиллингов, и он снова попробовал образумить своего спутника, с которым, видимо, находился в самой близкой дружбе. Это дало мистеру Кэйву возможность собраться с мыслями, и он стал взволнованно объяснять, что, собственно говоря, не имеет права продавать хрусталь. Оба покупателя очень удивились и спросили Кэйва, почему он не подумал об этом прежде. Мистер Кэйв сконфузился, но

продолжал настаивать на том, что продать хрусталь он не имеет права, так как договорился с другим покупателем, который может сегодня притти. Усмотрев в этом заявлении попытку еще больше повысить цену, оба пришедших сделали вид, что хотят уйти, но в это время дверь отворилась, и в лавку вошла некая особа — обладательница черной чолки и маленьких глаз.

Эта полная женщина с резкими чертами лица была моложе мистера Кэйва и гораздо выше его ростом. Она ступала тяжело, и лицо у нее было красное от волнения.

— Хрусталь продается, — сказала она. — И пять фунтов цена вполне достаточная. Я не понимаю, Кэйв, почему ты не соглашаешься на предложение этих джентльменов?

Мистер Кэйв, очень расстроенный вмешательством супруги, сердито посмотрел на нее поверх очков и стал — впрочем, не слишком уверенно — защищать свое право вести дела по собственному усмотрению. Начались пререкания. Оба покупателя с интересом наблюдали эту сцену, то и дело подсказывая миссис Кэйв новые аргументы. Загнанный в тупик, Кэйв все же продолжал свой сбивчивый и неправдоподобный рассказ об утреннем покупателе хрустального яйца. Он волновался все больше и больше, но с необыкновенным упорством стоял на своем.

Конец этому странному спору положил молодой человек. Он сказал, что они зайдут через два дня и таким образом не нарушат интересов покупателя, на которого ссылается мистер Кэйв.

— Но тогда мы уж будем настаивать, — сказал пастор. — Цена пять фунтов.

Миссис Кэйв стала извиняться за мужа, поясняя, что он у нее «со странностями». По уходе покупателей супружеская чета приступила к горячему и всестороннему обсуждению этого инцидента.

Миссис Кэйв изъяснялась начистоту, без всяких обиняков. Несчастный муж дрожал от волнения и то ссылался на какого-то другого покупателя, то утверждал, что хрусталь стоит десять гиней.

— Почему же ты назначил пять фунтов? — спросила жена.

— Предоставь мне вести мои дела по собственному усмотрению, — ответил Кэйв.

С мистером Кэйвом жили падчерица и пасынок, и вечером, за ужином, происшествие снова было подвергнуто

обсуждению. Сидевшие за столом были весьма невысокого мнения о деловых способностях мистера Кэйва, но последний его поступок казался всем верхом безумия.

— По-моему, он и раньше отказывался продать это яйцо, — сказал пасынок, верзила лет восемнадцати.

— Но ведь за него давали пять фунтов! — воскликнула падчерица, молодая особа двадцати шести лет, большая любительница поспорить.

Ответы мистера Кэйва были жалки по своей беспомощности: он только невнятно бормотал, что ему лучше знать, как вести дела. Посреди ужина мистера Кэйва погнали в лавку — запереть двери на ночь. Уши у него горели, слезы досады мешали ему видеть через очки. «Зачем было выставлять яйцо в витрине? Какое легкомыслие!» — вот что мучило его. Он не видел способа отвертеться от продажи хрустального яйца.

После ужина падчерица и пасынок мистера Кэйва нарядились и отправились гулять, а жена поднялась наверх и, попивая горячую воду с сахаром, лимоном и еще кое с чем, стала обдумывать происшествие с хрустальным яйцом. Мистер Кэйв ушел в лавку и оставался там довольно долго под тем предлогом, что ему надо отделать камешками аквариум для золотых рыбок. На самом деле он был поглощен совсем другим, но об этом речь будет впереди.

На следующий день миссис Кэйв заметила, что хрустальное яйцо убрано с витрины и спрятано за связкой книг по рыболовству. Миссис Кэйв переложила его на более видное место. Разговаривать об этом она не стала, так как после вчерашнего спора у нее очень болела голова. Что касается самого Кэйва, то он всегда был рад уклониться от беседы с супругой. День прошел неважно. Мистер Кэйв был рассеян как никогда и крайне раздражителен. После обеда, как только жена по своему обыкновению легла отдохнуть, он опять убрал яйцо с витрины.

На следующий день Кэйв повез в одну из клиник партию морских собак, которые требовались там для анатомических занятий. В его отсутствие мысли миссис Кэйв снова вернулись к хрустальному яйцу и к тому, как потратить свалившиеся с неба пять фунтов. Она уже успела самым приятным образом распределить мысленно эту сумму — между прочим, имелась в виду покупка зеленого шелкового платья и поездка в Ричмонд, — как вдруг звон

колокольчика у входной двери вызвал ее в лавку. Посетитель оказался лаборантом из клиники, который пришел пожаловаться на то, что лягушки, заказанные еще на вчерашний день, до сих пор не доставлены. Миссис Кэйв не одобряла этой отрасли деятельности мистера Кэйва, вследствие чего джентльмену, явившемуся в несколько запальчивом настроении, пришлось удалиться после беседы, хоть и краткой, но вежливой, поскольку это зависело от него. Взоры миссис Кэйв, естественно, обратились к витрине: вид хрустального яйца должен был придать реальность пяти фунтам и связанным с этими пятью фунтами мечтам. Каково же было ее удивление, когда яйца в витрине не оказалось!

Она кинулась к тому месту за прилавком, где нашла яйцо накануне. Но и там его не было. Тогда миссис Кэйв немедленно приступила к обыску всей лавки.

Покончив с делами, Кэйв вернулся домой около двух часов. В лавке царил беспорядок. Его жена стояла на коленях за прилавком и с остервенением рылась в материале для набивки чучел. Когда звон колокольчика возвестил о приходе мистера Кэйва, миссис Кэйв высунула из-за прилавка свое злое красное лицо и сразу стала упрекать мужа, что он «спрятал эту вещь».

— Какую вещь? — спросил Кэйв.

— Хрустальное яйцо!

Вместо ответа Кэйв, видимо очень удивленный, бросился к витрине.

— Разве его здесь нет? — воскликнул он. — Боже мой! Куда же оно делось?

В эту минуту дверь в комнату открылась, и в лавку, громко бранясь, вошел пасынок Кэйва, вернувшийся домой за минуту до него. Он работал учеником у мебельщика на этой же улице, но обедал дома и поэтому был зол, узнав, что обед еще не готов.

Когда мальчишка услышал о пропаже, он забыл про обед и обратил свой гнев с матери на отчима. Мать и сын, конечно, сразу же решили, что Кэйв спрятал хрустальное яйцо. Но тот всячески отрицал это. Свои клятвенные уверения он закончил тем, что сам стал обвинять сперва жену, а потом пасынка: это они спрятали яйцо и хотят тайком продать его. Бурный спор привел к тому, что у миссис Кэйв начался нервный припадок — нечто среднее между истерикой и обмороком, а пасынок опоздал в ме-

бельный магазин на целых полчаса. Мистер Кэйв укрылся от слез жены в лавке.

Вечером спор возобновился, но уже с меньшей страстностью. Теперь это больше походило на судебное разбирательство под началом падчерицы. Ужин прошел невесело и закончился тяжелой сценой. Мистер Кэйв вышел из себя и удалился, громко хлопнув дверью. Воспользовавшись этим, остальные члены семьи уже не стесняясь осудили его поведение, а затем обыскали весь дом с чердака до погреба в надежде найти хрустальное яйцо.

На следующий день оба покупателя зашли опять. Миссис Кэйв приняла их чуть не в слезах. Оказалось, что никто даже не может представить себе, сколько ей пришлось вытерпеть от Кэйва за все время их супружеской жизни. Она сообщила им также — правда, в несколько искаженном виде — историю исчезновения хрустального яйца. Пастор и молодой человек восточного типа с улыбкой переглянулись и сказали, что все это действительно очень странно. Они не стали задерживаться в лавке, так как миссис Кэйв, повидимому, собиралась рассказать им историю всей своей жизни. Однако эта почтенная дама, цепляясь за последнюю надежду, спросила адрес пастора, обещая известить его, если она добьется чего-нибудь от мужа. Адрес был дан, но потом, очевидно, утерян. Миссис Кэйв никак не могла вспомнить, куда она его сунула.

К вечеру этого дня страсти несколько улеглись. Кэйв, уходивший куда-то из дому, ужинал в полном одиночестве, приятно контрастировавшем с недавними бурными спорами. Атмосфера в доме некоторое время оставалась напряженной, но ни хрустальное яйцо, ни покупатели не появлялись.

Теперь, чтобы не вводить читателя в заблуждение, мы должны сказать, что Кэйв солгал: он прекрасно знал, где находится хрустальное яйцо. Оно было в квартире мистера Джекоби Уэйса, ассистента-демонстратора больницы Сэнт-Кетрин на Уэстборн-стрит. Яйцо, прикрытое куском черного бархата, лежало на буфете возле графина с американским виски. От мистера Уэйса и были получены сведения, на основании которых написан настоящий рассказ. Кэйв принес хрустальное яйцо в больницу, спрятав его в мешок с морскими собаками, — принес и настойчиво просил молодого исследователя хранить его у себя. Мистер Уэйс согласился на это не сразу. У него были довольно своеобразные отношения с Кэйвом: ему нравились стран-

ные типы, и, не раз приглашая старика к себе, он слушал за трубкой и за стаканом вина его не лишённые занятности замечания о жизни вообще и миссис Кэйв в частности. Мистеру Уэйсу случалось иметь дело с этой дамой, когда Кэйва не бывало в лавке. Уэйс знал, что Кэйва притесняют дома, и поэтому, обсудив все как следует, он решил взять хрустальное яйцо на хранение.

Кэйв обещал объяснить, почему он так дорожит этой вещью, пока же намекнул, что в хрустале ему открываются видения. В тот же вечер он опять зашел к мистеру Уэйсу.

Кэйв рассказал очень запутанную историю. Хрустальное яйцо было куплено вместе с другими вещами на аукционе у одного торговца редкостями. Цену этой вещи Кэйв не знал и назначил наудачу десять шиллингов. Яйцо пролежало у него на витрине несколько месяцев, и Кэйв уже подумывал, не снизить ли цену, как вдруг сделал странное открытие.

В то время Кэйв чувствовал себя очень неважно. Надо иметь в виду, что во время описываемых событий здоровье его было совершенно расстроено, и вдобавок он страдал из-за пренебрежительного и даже намеренно плохого отношения к нему жены и детей. Его жена, сумасбродная, бессердечная женщина, питала тайную и все возрастающую страсть к спиртным напиткам. Падчерица была зла и заносчива, а пасынок не выносил своего приемного отца и не упускал случая показать это.хлопоты по лавке тяготили Кэйва, и мистер Уэйс думает, что старику тоже случалось иной раз грешить по части спиртного. Молодые годы Кэйв прожил хорошо, получил приличное образование. Теперь же в довершение ко всем своим бедам он целыми неделями страдал меланхолией и бессонницей. По ночам, когда ему становилось не в состоянии от тоски, он тихонько, стараясь никого не разбудить, вставал с постели и бродил по дому. В одну из таких ночей — это было в конце августа — Кэйв заглянул в лавку.

Грязное маленькое помещение было погружено во тьму, и только в одном месте теплился какой-то странный свет. Подойдя ближе, Кэйв увидел, что свет исходит от хрустального яйца, которое лежало на углу прилавка, у самой витрины. Тонкий луч света, пробивавшийся сквозь щель в ставне, ударял в яйцо и, казалось, наполнял его сиянием.

Кэйв сразу же заметил, что это противоречит законам

оптики, известным ему еще со школьной скамьи. Лучи должны были преломиться в хрустале и образовать фокус, но такое рассеяние света резко нарушало физические законы. Кэйв подошел к яйцу еще ближе и внимательно пригляделся к нему, вдруг загоревшись той научной любознательностью, которая определила его призвание в молодости. Он очень удивился, увидев, что свет растекается по всему яйцу, как будто это был полый шар, наполненный каким-то сверкающим газом. Обходя яйцо со всех сторон, Кэйв заслонил его от луча света, но от этого хрусталь не потускнел. Пораженный, Кэйв взял хрустальное яйцо и перенес его подальше от окна — в самую темную часть лавки. Яйцо продолжало светиться еще минут пять, потом стало медленно тускнеть и погасло. Кэйв передвинул его в полосу света — и сияние тотчас же возобновилось.

Мистер Уэйс мог проверить поразительный рассказ Кэйва. Он сам много раз держал яйцо перед световым лучом, диаметр которого не должен был превышать миллиметра. В темноте же, под куском черного бархата, хрусталь хоть и слабо, но несомненно фосфоресцировал. Однако в этом фосфоресцировании было что-то своеобразное, и видели его не все. Так, например, мистер Харбинджер — имя, известное каждому читателю, интересующемуся работой Пастеровского института, — оказался совершенно неспособным уловить какой бы то ни было свет. У мистера Уэйса эта способность была гораздо ниже, чем у Кэйва. И даже у самого Кэйва она сильно менялась, обостряясь в периоды наибольшего утомления или упадка сил.

Этот свет в хрустале зачаровал Кэйва с самого начала. И то, что он ни с кем не поделился своим открытием, больше говорит о его глубоком одиночестве, чем целый том патетических описаний. Кэйв жил в атмосфере злобы и вечных придирок, и признание, что какой-нибудь предмет доставляет ему удовольствие, было связано для него с риском лишиться этого предмета. Он заметил, что с приближением утра поверхность хрусталя теряет свой блеск, и некоторое время ему удавалось наблюдать это странное явление только по ночам в темном углу лавки.

Тогда он решил воспользоваться куском старого бархата, который до сих пор служил фоном для коллекции минералов. Сложив бархат вдвое и накрыв им голову и руки, Кэйв получил возможность улавливать игру света в

хрустальном яйце даже днем. Он боялся, как бы жена не застала его за этим занятием, и отдавался созерцанию хрусталя только в послеобеденное время, когда она отдыхала, да и тут из осторожности прятался за прилавком в самом темном углу. Однажды, поворачивая яйцо в руках, Кэйв сделал еще одно открытие. В глубине яйца что-то вспыхнуло, как молния, и исчезло, но Кэйву показалось, словно на одно мгновение перед ним открылись просторы какой-то неведомой страны. Повернув яйцо еще раз, Кэйв закрыл его от света и вызвал опять то же видение.

Было бы слишком долго и скучно рассказывать обо всех стадиях этого открытия Кэйва. Достаточно сообщить результат: рассматриваемый под углом примерно в тридцать семь градусов к световому лучу, хрусталь давал ясную картину обширной и совершенно необычайной местности. Видение это вовсе не походило на сон, в нем была реальность, и чем сильнее был свет, тем оно казалось живее и ярче. Картина находилась в непрестанном движении, то есть некоторые предметы в ней двигались, но медленно и последовательно, как бывает в действительности, и в полном соответствии с направлением светового луча и переменной угла зрения. Так бывает, когда смотришь на что-нибудь сквозь овальное стекло: стоит его повернуть — и все предстает в ином виде. По словам мистера Уэйса, Кэйв рассказывал очень обстоятельно и никакого возбуждения, которое обыкновенно наблюдается у галлюцинирующих, в нем не было заметно. Нужно сказать, однако, что все попытки самого Уэйса разглядеть эту картину в бледном опаловом блеске хрусталя не имели успеха, несмотря на все его старания. Разница в силе впечатлений, получаемых этими двумя людьми, оказалась очень велика, и то, что представлялось Кэйву целой картиной, было лишь туманным пятном для мистера Уэйса.

Этот пейзаж неизменно являл собой широкую равнину, и Кэйв смотрел на нее откуда-то сверху, словно с башни или мачты. На востоке и на западе равнина замыкалась далеко простирающимися красноватыми скалами, напоминавшими Кэйву скалы, виденные им на какой-то картине; что это была за картина, мистер Уэйс вспомнить не мог. Скалы уходили к северу и к югу (Кэйв определял направление по звездам, которые были видны ночью) и, не сомкнувшись, терялись в безграничных туманных да-

лях. В первый раз Кэйв находился ближе к восточной цепи скал, над которой всходило солнце. Он увидел множество парящих призраков и принял их за птиц. Против солнца эти птицы казались совсем темными, а попадая в тень, ложившуюся от скал, они светлели. Внизу под собой Кэйв видел длинный ряд зданий. Он смотрел на них сверху. По мере приближения к темному краю картины, где лучи света преломлялись, эти здания становились неясными. Вдоль сверкающего широкого канала тянулись ряды деревьев, необычных по форме и окраске, — то темнозеленой, как мох, то прозрачно серой. Что-то большое и яркое проносилось над скалами и долиной. В первый раз эти видения открывались Кэйву только на секунды, не больше. Руки у него дрожали, голова тряслась, и картина то появлялась, то снова исчезала в тумане. Ему было очень трудно найти тот нужный угол зрения, при котором видение возникало вновь.

Второй раз удача пришла к Кэйву только через неделю. Промежуток не дал ничего, кроме нескольких мучительно неясных проблесков и, пожалуй, некоторого опыта в обращении с яйцом. Но теперь равнина открылась перед ним в перспективе. Вид изменился, но у Кэйва была странная уверенность, неоднократно подкреплявшаяся дальнейшими наблюдениями, что он все время смотрит на этот необычайный мир с одного и того же места, только в разных направлениях. Большое длинное здание, крышу которого он видел в первый раз под собой, теперь отступило вдаль. Кэйв узнал его по крыше. Перед фасадом была широкая терраса; посередине ее на равном расстоянии одна от другой высились огромные, но очень стройные мачты, к верхушкам которых были прикреплены маленькие блестящие предметы, отражающие лучи клонившегося к закату солнца. О назначении этих предметов Кэйв догадался гораздо позднее, когда описывал эту сцену мистеру Уэйсу. Терраса нависала над пышной зарослью, а дальше простирались широкий, поросший травой луг, на котором отдыхали какие-то существа, похожие на жуков, но гораздо крупнее. За лугом бежала дорога, мощеная розовым камнем, а еще дальше, параллельно отдаленным скалам, расстилалась зеркальная водная гладь, окаймленная по берегам густой красной травой. Большие птицы величественно парили в воздухе. По ту сторону реки, среди деревьев, похожих на гигантские мхи и лишайники, высилось множество великолепных зданий,

отсвечивающих на солнце полировкой гранита и металлической резьбой. И вдруг перед Кэйвом что-то промелькнуло; это было словно взмах крыла или движение украшенного драгоценными камнями веера. И тотчас же он увидел чье-то лицо, вернее верхнюю часть лица, с очень большими глазами. Кэйву показалось, что лицо придвинулось вплотную к его лицу, что их разделяет только хрусталь. Взволнованный и пораженный живостью этих глаз, он отпрянул назад, заглянул за яйцо и с удивлением увидел себя все в той же холодной, темной лавке, пропитавшейся запахом метила, плесени и всякого старья. Пока Кэйв озирался по сторонам, сияние в хрустальном яйце стало меркнуть и скоро совсем погасло.

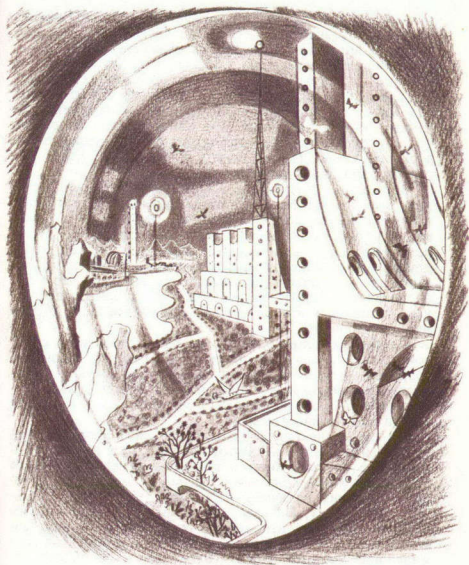
Таковы были первые впечатления мистера Кэйва. Весь его рассказ отличался большой точностью и множеством убедительных подробностей. Блеснув перед ним в первый раз только на миг, равнина сразу же поразила его воображение. А по мере того как он обдумывал виденное, его любопытство перешло в страсть. Дела в лавке велись спустя рукава, так как ее хозяин думал только о том, как бы вернуться к своим наблюдениям. И вот тогда-то — это было через несколько недель после первого видения — Кэйв, как я уже рассказывал, с таким трудом спас от продажи хрустальное яйцо, на которое позарились двое покупателей.

Держа свое открытие в тайне, старик любовался этой диковинкой украдкой, словно ребенок, заглядывающий одним глазком в чужой сад. Но мистер Уэйс, несмотря на свою молодость наделенный очень ясным и точным умом, решил приступить к исследованию систематически. Свечение хрусталя, которое он наблюдал собственными глазами, убедило его в правдоподобности некоторых утверждений Кэйва. Старик не ждал приглашений полюбоваться зрелищем чудесной страны и просиживал у мистера Уэйса все вечера с половины девятого до половины одиннадцатого, а иногда забегал и днем, когда хозяина не было дома. Приходил он и по воскресеньям после обеда. Уэйс с самого начала вел подробную запись наблюдений, и точность его научного метода помогла установить связь между направлением светового луча и той точкой, с которой видение открывалось Кэйву.

Поместив хрустальное яйцо в ящик с небольшим отверстием для светового луча и замазав стекла окон своей комнаты голландской сажой, мистер Уэйс значи-

тельно улучшил условия наблюдений, так что вскоре они получили возможность обозревать равнину из конца в конец.

Теперь мы можем дать краткое описание призрачного мира внутри хрустального яйца. Метод работы был всегда одинаков: Кэйв смотрел в хрусталь и рассказывал, что он там видит, а мистер Уэйс, научившийся писать в темноте еще в студенческие годы, кратко записывал его слова. Когда хрусталь потухал, его клали на прежнее место и зажигали электричество. Мистер Уэйс задавал Кэйву вопросы, уточнял некоторые неясности. Во всем этом не было ровно ничего фантастического, все имело совершенно деловой характер. Мистер Уэйс вскоре же направил внимание Кэйва на те птицеподобные существа, которые каждый раз появлялись в хрустале. Некоторое время Кэйв считал их чем-то вроде дневных летучих мышей, потом, как это ни странно, стал называть их херувимами. У них были круглые почти человеческие головы, и глаза, которые в свое время так потрясли Кэйва, принадлежали одному из этих существ. Их широкие, лишенные оперения крылья отливали серебром, словно рыба, только что вынутая из воды. Но, как выяснил мистер Уэйс, они нисколько не походили на крылья летучих мышей или птиц и держались на изогнутых ребрах, выступающих веером по обе стороны туловища. Больше всего в них было сходства с крыльями бабочек. Туловище этих существ было небольшое; ниже рта находились два пучка хватательных органов, похожих на длинные щупальцы. Сначала это казалось мистеру Уэйсу невероятным, но в конце концов он не мог не убедиться, что именно этим существам принадлежат величественные здания и прекрасный сад, так украшающий равнину. В дальнейшем Кэйв подметил, что крылатые существа попадали в свои жилища не через двери, а через большие круглые, легко открывающиеся окна. Они опускались на свои щупальцы, складывали крылья, вплотную прижимая их к телу, и прыгали внутрь. Кроме них, тут было множество других более миниатюрных существ, подобных большим стрекозам, бабочкам и летающим жукам, были и ползающие жуки — огромные, яркие, — которые лениво копошились на лугу. На дороге и на террасах виднелись большеголовые существа, похожие на больших мух, но бескрылые; они деловито сновали взад и вперед и прыгали, опираясь на свои щупальцы.

Мы уже упоминали о блестящих предметах на мачтах, которые стояли перед террасой ближайшего здания. Внимательно всмотревшись в одну из таких мачт, Кэйв увидел, что этот блестящий предмет ничем не отличается от его собственного хрустального яйца. Такие же хрустальные яйца были и на других двадцати мачтах.

Время от времени одно из больших крылатых существ взлетало на какую-нибудь мачту и, обхватив ее щупальцами, вглядывалось в хрусталь пристально и долго, иной раз минут по пятнадцать. Целый ряд наблюдений, сделанных по инициативе мистера Уэйса, убедил их обоих, что хрусталь, в который они всматриваются, укреплен на верхушке самой дальней мачты и что в лицо Кэйву заглянул один из обитателей этого мира.

Вот самое существенное в этой очень странной истории. Если не считать ее от начала до конца хитроумной выдумкой Кэйва, придется признать одно из двух: либо его хрусталь существовал одновременно в обоих мирах и, перемещаясь в одном мире, оставался неподвижным в другом, что маловероятно, либо между этими хрустальными яйцами существовала какая-то связь и то, что было видно внутри одного хрустального яйца, при определенных условиях могло открыться наблюдателю в другом мире, и наоборот.

Сейчас мы, конечно, не можем объяснить, каким образом два хрустала могли быть связаны между собой, но современный уровень науки уже допускает такую возможность. Предположение о некоей связи между двумя хрустальными яйцами принадлежит мистеру Уэйсу, и на мой взгляд оно вполне вероятно.

Но где же находится этот другой мир? Живой ум мистера Уэйса ответил и на этот вопрос. После захода солнца небо в хрустале быстро темнело — сумерки там были очень коротки, — появлялись звезды, те же звезды, которые мы видим на нашем небосклоне. Кэйв узнал Большую Медведицу, Плеяды, Альдебаран и Сириус. Таким образом, этот мир находился в пределах солнечной системы и, самое большее, на расстоянии нескольких сот миллионов миль от нашего. Продолжая свои исследования, мистер Уэйс установил, что полночное небо в том мире темнее, чем наше в зимнюю ночь, а солнечный диск немного меньше. Там были две небольшие луны, причем одна из этих лун двигалась так быстро, что ее движение было заметно глазу. Они подымались невысоко и исчеза-

ли вскоре после восхода. Это объяснялось тем, что каждый их оборот вокруг своей оси сопровождался затмением вследствие близости обеих лун к своей планете. Все это в точности соответствовало тем астрономическим законам, какие должны существовать на Марсе, хотя мистер Кэйв и не подозревал этого.

В самом деле, почему не допустить, что, глядя в хрустальное яйцо, Кэйв действительно видел планету Марс и ее обитателей? А если так, значит вечерняя звезда, ярко сияющая в небе этого отдаленного мира, была наша Земля.

Первое время марсиане — если это на самом деле были они, — повидимому, не подозревали, что за ними наблюдают. Иной раз кто-нибудь из них поднимался на мачту, смотрел в хрустальное яйцо и быстро перелетал к другому, словно не удовлетворенный открывшимся ему зрелищем. Мистер Кэйв наблюдал за жизнью этих крылатых существ незаметно для них, и его впечатления, несмотря на всю их отрывочность, были очень любопытны. Представьте себе, что бы подумал о человеке марсианин, которому после долгих приготовлений минуты на четыре, не больше, открылось бы зрелище Лондона с высоты колокольни Сент-Мартина!

Кэйв не мог сказать, были ли крылатые марсиане такими же существами, как и те, что прыгали по дороге и террасе, и могли ли последние обзавестись по желанию крыльями. Несколько раз на равнине появлялись какие-то неуклюжие двуногие существа, отдаленно напоминавшие обезьян. Белые и полупрозрачные, они паслись среди обросших лишаями деревьев, и однажды за ними погнался прыгающий круглоголовый марсианин. Он схватил одного из этих двуногих своими щупальцами. Но тут видение поблекло, и мистер Кэйв остался во мраке, один со своим неудовлетворенным любопытством. В другой раз какой-то большой предмет с невероятной быстротой пронесся по дороге. Мистер Кэйв принял его сначала за гигантское насекомое, но потом увидел, что это металлический аппарат чрезвычайно сложной конструкции. Он хотел разглядеть его как следует и не смог — аппарат исчез из виду.

Мистер Уэйс решил привлечь внимание марсиан, и как только глаза одного из них вплотную приблизились к хрусталу, Кэйв крикнул и отскочил, а Уэйс сейчас же зажег свет, и они стали жестами подавать сигналы. Но

когда Кэйв снова посмотрел в хрусталь, марсианина там уже не было.

Исследования продолжались до ноября. К этому времени Кэйв убедился, что подозрения его домашних улеглись, и стал уносить хрустальное яйцо с собой, пользуясь каждой возможностью погружаться в видения, составлявшие теперь чуть ли не единственную реальность его жизни.

В декабре в связи с приближающимися экзаменами мистер Уэйс был занят больше обычного; исследования яйца приходилось откладывать с недели на неделю. Со времени последней встречи с Кэйвом миновало дней десять-одиннадцать, и мистеру Уэйсу вдруг захотелось возобновить наблюдения, благо спешная работа у него кончилась. Он отправился к Севендайэлсу, но, свернув на знакомую улицу, увидел, что у торговца птицами и сапожника окна закрыты ставнями. Лавка мистера Кэйва была заперта.

Уэйс постучался; ему открыл пасынок Кэйва, в трауре. Он сейчас же позвал мать, и мистер Уэйс не мог не заметить ее хоть и дешевенького, но чрезвычайно эффектного вдовьего наряда. Мистер Уэйс не очень удивился, узнав, что Кэйв умер и уже похоронен. Миссис Кэйв проливала слезы, и голос у нее звучал хрипло. Она только что вернулась с Хайгэйтского кладбища. Все ее мысли были поглощены планами на будущее и печальной церемонией погребения. Однако мистер Уэйс хоть и с трудом, а все же узнал подробности смерти Кэйва.

Кэйв был найден мертвым в лавке рано утром. Его окоченевшие руки сжимали хрустальное яйцо, на губах застыла улыбка, рассказывала миссис Кэйв. Кусок черного бархата лежал на полу у его ног. Смерть наступила уже пять или шесть часов назад.

Для мистера Уэйса это был большой удар. Он горько упрекал себя за то, что не обратил должного внимания на здоровье старика. Но его мысли были заняты главным образом хрустальным яйцом. Зная характер миссис Кэйв, молодой человек старался подойти к этой теме как можно осторожней. Он был потрясен, узнав, что хрусталь уже продан.

Когда покойника перенесли наверх, миссис Кэйв сразу же вспомнила про чудака пастора, предлагавшего пять фунтов за хрустальное яйцо, и решила написать ему, что эта вещь нашлась. Но усердные поиски, в которых при-

нимала участие и дочь, ни к чему не привели — адрес затерялся. У миссис Кэйв не было средств ни на траур, ни на достойные похороны, которых заслуживал столь почтенный обитатель Севендайэлса. Поэтому она прибегла к помощи одного знакомого торговца с Грэйт-Портленд-стрит. Он любезно согласился взять часть вещей Кэйва по собственной расценке. В их числе было и хрустальное яйцо. Выразив, — правда, несколько торопливо — приличное случаю сожаление, мистер Уэйс поспешил на Грэйт-Портленд-стрит. Но там он узнал, что хрустальное яйцо уже продано и что купил его высокий смуглый человек в сером костюме. Здесь фактический материал этой странной, но, на мой взгляд, чрезвычайно любопытной истории обрывается. Торговец с Грэйт-Портленд-стрит не знал, кто был высокий смуглый человек в сером, и не мог точно описать его мистери Уэйсу. Он даже не заметил, в какую сторону этот человек направился, выйдя из лавки. Мистер Уэйс до конца испытал терпение торговца, изливая в бесконечных расспросах свою досаду. Наконец, поняв, что затеянное им исследование рухнуло, он вернулся домой и с недоумением увидел, что его заметки не испарились, как сон, и попрежнему лежат на неубранном столе.

Легко представить себе разочарование мистера Уэйса. Он посетил торговца на Грэйт-Портленд-стрит еще раз и столь же безрезультатно, дал объявления в некоторые журналы, которые могли попасть в руки коллекционеров, написал письма в «Дейли кроникл» и «Нэйчюр». Однако два последних органа, подозревая мистификацию, просили мистера Уэйса подумать как следует, прежде чем настаивать на опубликовании своих писем. Ему дали понять, что эта странная история, лишенная каких бы то ни было вещественных доказательств, может повредить его репутации ученого. Между тем работа в больнице требовала, чтобы он безотлагательно занялся ею.

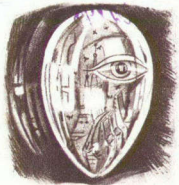
Таким образом, месяца через полтора мистер Уэйс поневоле отказался от поисков хрустального яйца, если не считать двух-трех его визитов к некоторым антикварам. Яйцо до сих пор остается неразысканным. Впрочем, Уэйс признался мне, что время от времени им овладевают приступы рвения и он бросает самые неотложные дела, чтобы снова отдаться поискам.

Найдется ли хрустальное яйцо, или оно потеряно навсегда и мы ничего не узнаем о нем, об этом можно толь-

ко гадать. Если теперешний его обладатель коллекционер, то надо надеяться, что мистеру Уэйсу удастся напасть на его след через посредство антикваров. Он уже узнал, что пастор и «восточный человек», с которыми имел дело мистер Кэйв, были не кто иные, как distinguished Джеймс Паркер и молодой яванский принц Боссо-Куни. Им я обязан некоторыми подробностями этой истории. Настойчивость принца объяснялась просто любопытством и оригинальничаньем. Чем упрямее Кэйв отказывался продать хрустальное яйцо, тем больше принцу хотелось купить его.

Вполне вероятно, что во втором случае покупателем был не коллекционер, а просто случайный прохожий, и, может быть, хрустальное яйцо находится сейчас на расстоянии какой-нибудь мили от меня и украшает чью-нибудь гостиную или даже служит пресспапье, не обнаруживая своих замечательных свойств. Эта мысль отчасти и побудила меня написать историю хрустального яйца в форме рассказа: так она легче всего попадет на глаза читателю.

Мое собственное мнение о хрустальном яйце вполне совпадает с мнением мистера Уэйса. Я думаю, что между хрусталем, укрепленным на вершине мачты на Марсе, и хрустальным яйцом мистера Кэйва существует какая-то тесная связь, в настоящее время совершенно необъяснимая. Мы оба полагаем также, что хрусталь мог быть послан с Марса на Землю (еще в незапамятные времена) с тем, чтобы дать возможность марсианам ближе познакомиться с нашими земными делами. Возможно, что в нашем мире находятся также хрустали, соответствующие хрусталам других мачт. Ясно одно: никакой ссылкой на галлюцинации изложенные факты объяснить нельзя.

22148

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТСКОГО

Цена 75 коп.